

Предвидения «грозного солдата»

31.10.2017

Операция в Сирии – это, по сути, воплощенная в жизнь доктрина Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова

30 октября, сегодня, исполнилось 100 лет со дня рождения Николая Васильевича Огаркова. Люди, хорошо знавшие маршала, в один голос отзываются как о человеке философского склада ума, умевшего взглянуть на проблемы военной организации общества, стратегии и оперативного искусства широко, по-государственному, обладавшего высокой штабной культурой. На Западе его называют «отцом революции в военном деле».

Генштаб Вооружённых сил СССР Огарков возглавил в 1977 году, в очень непростое время. Хотя советские руководители во главе с генсеком ЦК КПСС Л.И. Брежневым давно провозгласили переход от «холодной войны» к разрядке международной напряженности, и был подписан ряд советско-американских договоров об ограничении стратегических вооружений, геополитическое противостояние СССР и Варшавского Договора с США и НАТО всё равно шло по нарастающей.

Потерпев неудачу в затяжной вьетнамской войне (в которой приняли широкое участие советские летчики и зенитчики, а Советский Союз оказывал коммунистическому Северному Вьетнаму многостороннюю помощь), американцы взяли на вооружение доктрину «ограниченной ядерной войны» против советского блока и приступили к полномасштабной (пока тайной) разработке нейтронного оружия. Это было новое средство массового поражения, призванное уничтожить миллионы людей, оставляя в относительной целостности объекты материальной культуры. Причем эта чудовищная бойня, по их замыслам, должна была развернуться в Европе и не затронула бы Североамериканский континент. Тогда же в недрах разведывательного сообщества США начинается вынашивание план глобальной подрывной операции, направленной на втягивание СССР в затяжную бесперспективную войну близ его рубежей (сейчас она получила бы название «гибридной») с целью максимального истощения всех сил советской системы и её последующего слома в результате внутренних катаклизмов...

Удивительный парадокс: библиография на английском языке о маршале Огаркове насчитывает сотни крупных работ, а у нас до сих пор о нем не издано хотя бы одной, мало-мальски серьезной монографии!

Зарубежные специалисты и авторитетные военные энциклопедии почтительно именуют его formidable soldier («грозный солдат»). «Доктрина Огаркова» фигурирует во всех базовых западных работах по военной стратегии! А в России его идеи начали серьезно осмысливать и брать на вооружение совсем недавно.

Правда, как показывает ход операции российских ВКС в Сирии, от осмысления до применения на практике дистанция у нас, слава Богу, небольшая...

В чем же суть «доктрины Огаркова»? Маршал считал, что ставку надо делать не на бесконечное наращивание ракетно-ядерного потенциала, способного в случае глобального конфликта с Западом или Китаем (с которым в те годы тоже сохранялась серьезная напряженность) многократно уничтожить всё живое на Земле, а на высокоточные неядерные вооружения и суперсовременные системы управления боевыми действиями.

Именно они обеспечат победу при относительно малых людских потерях и позволят принудить противника к выгодному компромиссу. Соответственно, и стратегической целью современной войны Николай Васильевич полагал отнюдь не гарантированное ядерное взаимоуничтожение, огненный вихрь которого просто испепелит всю планету, а достижение справедливого мира минимально возможной ценой и создание благоприятных внешних условий для мирного строительства...

Закончив в 1941 году Военно-инженерную академию им. В.В. Куйбышева, он почти всю Великую Отечественную провел на передовой, применяя на практике свои глубокие познания инженерного дела. В апреле 1945 года был тяжело ранен. После войны последовательно прошел по всем ступеням командно-штабной лестницы вплоть до назначения командующим войсками округа, а в апреле 1968 года – первым заместителем начальника Генштаба ВС СССР.

Три года, с 1974 по 1977-й, уже будучи заместителем министра обороны СССР, возглавлял Гостехкомиссию – важнейший орган военно-технического планирования и контроля, без рассмотрения и одобрения которого не принималось на вооружение ни одно новое средство вооружённой борьбы. В задачи этого органа входила и организация противодействия иностранным техническим разведкам, пытавшимся заполучить важную информацию о новинках советских вооружений.

При Огаркове началось, в частности, внедрение в нашу военную практику компонентов КСБУ – командной системы боевого управления стратегического звена.

КСБУ объединяла в единое целое пункты управления РВСН, ВМФ и авиации, что позволяло Советскому Союзу в случае возникновения кризисной ситуации упреждать действия стратегических ядерных сил главных противников. Основу КСБУ составляла система обмена данными, связавшая десятки удаленных, порой на тысячи километров, стационарных компьютеров (до середины 80-х годов их именовали в СССР электронно-вычислительными машинами – ЭВМ) в единую сеть. Именно эта сеть обеспечивала гарантированное доведение информации до адресата, а значит, быстрое принятие решения и его своевременное исполнение.

Принципы построения такой сети на добрый десяток лет опережали общемировые тенденции. В США тогда ещё только разрабатывалась экспериментальная сеть ARPANET, которую считают прообразом современного Интернета.

Единственное, чего не хватало нашей сети КСБУ – полевой автоматизированной системы управления войсками (АСУВ). Эту работу, закодированную наименованием «Маневр», и начал в 70-е годы образованный в 1969 году минский Научно-исследовательский институт средств автоматизации (НИИСА), созданный на базе специального конструкторского бюро Минского электромеханического завода. Непосредственным куратором и руководителем всего комплекса мероприятий по созданию автоматизированных интегрированных систем управления войсками в звене фронт (округ) – армия (корпус) – дивизия (бригада) – полк – батальон (дивизион, батарея, эскадрилья) как раз и выступил глава Гостехкомиссии генерал Огарков.

Вскоре автоматизированные системы управления войсками, оружием, разведкой и РЭБ фронта стали разрабатываться и изготавливаться (при головной роли минского предприятия, которым руководил генерал Юрий Подрезов) в кооперации с более чем 600 предприятиями 29 министерств и ведомств СССР, в том числе при участии более чем 30 научно-исследовательских учреждений Министерства обороны. Это была огромная, нацеленная в будущее работа, заложившая основы современных Вооружённых сил России.

Впервые в советских войсках при Огаркове начали внедряться мобильные полевые вычислительные сети и распределенные базы данных, создан и принят на вооружение целый ряд

образцов электронной аппаратуры передачи данных в реальном масштабе времени. Немаловажно, что системы, созданные на белорусском и идентичных советских предприятиях, оперативно проходили практическую проверку и испытания на всех крупнейших войсковых учениях, в чем также была велика заслуга Гостехкомиссии под руководством Огаркова. На базе этих наработок в последующем развернулась работа по координации и выполнению программы «ИНТЕРАСУ», к которой подключились страны-участницы Варшавского договора. В рамках этой программы создавалась единая полевая автоматизированная система управления войсками (ЕПАСУВ), интегрированная с армиями стран-союзников СССР: ГДР, Польши, Венгрии, Болгарии, Чехословакии...

Советские же ЭВМ, о внедрении которых в повседневную жизнь и учебно-боевую деятельность войск так радел будущий маршал, по сути, представляли отечественные аналоги хваленых американских Pentium II и IBM.

Почему автор так заостряет внимание на этой (прямо скажем, совсем не изученной исследователями) стороне многогранной деятельности Николая Васильевича – роли в оснащении войск СССР и тогдашних союзников передовой электронно-вычислительной техникой? Дело в том, что в современной (и особенно «гибридной») войне главным и решающим условием победы в бою являются разведка объектов противника и точное их поражение. Если органы и средства разведки вовремя предоставили полную и точную информацию о будущем объекте уничтожения – любая атака, любые действия имеют много шансов на успех (тем более когда применяется высокоточное оружие!), а собственные потери, как правило, сводятся к минимальным. Это сегодня день за днем демонстрируется в ходе антитеррористической операции в Сирии, проводимой нашими силами и подчиняющимися Дамаску войсками.

Если же цель подвижна, значит, надо сначала обнаружить её и сообщить о ней, прежде чем она переместится, а потом и решить, чем и как её уничтожить. На все это нужно время. В современной военной терминологии это называется циклом боевого управления.

Тот, кто добивается сокращения временного промежутка, занимающего этот цикл, соответственно, увеличивает эффективность своих средств поражения. Во сколько раз сократит драгоценное время – во столько раз у него возрастет боевая мощь. Совсем не сложно, верно?

Но вручную быстро не посчитаешь: нужен достаточно производительный компьютер. И, соответственно, правила действий – наработанные алгоритмы. В них вся соль. И недаром зарубежные исследователи отмечают, что получив информацию о появлении у американцев комплексов высокоточного оружия, Огарков сразу заинтересовался их боевым применением.

В наших военных академиях и училищах в качестве образчика высокой эффективности разведывательно-ударных комплексов нередко приводили в пример американскую систему «Ассолт брейкер», которая была в состоянии сорвать развертывание на исходном рубеже для атаки целой советской танковой дивизии!

Вот почему, возглавив Генштаб в 1977 году, Огарков сделал всё возможное, чтобы разработку и внедрение такого «умного» оружия предельно активизировать и ускорить.

Но мало создать новые системы – их надо тщательно проверить. Обязательно нужна практика. И с легкой руки Николая Васильевича и его единомышленников – штабистов и военачальников – она у советских военных объединений, соединений и частей была в достатке.

Оперативно-стратегические учения «Запад-81» (было задействовано три военных округа, развертывавшихся во фронты, и Балтийский флот) с использованием АСУВ «Маневр» и новых комплексов высокоточного оружия оказались столь масштабными, что струхнувшая Европа объявила их «последней проверкой перед войной».

Не правда ли, поразительно напоминает реакцию европейцев на наши недавние учения «Запад-2017», с той лишь разницей, что реальная численность задействованных в маневрах сил и средств ныне была на порядок меньше?!

Детище Огаркова – система управления «Маневр» – повышала эффективность применявшегося артиллерийского и авиационного вооружения, по оценкам экспертов, в три – пять раз!

На следующий год вместе с союзниками по Варшавскому договору были проведены учения «Щит-82» (на Западе их в ужасе прозвали «Семичасовая ядерная война»). Кстати, для сведения нынешних злопыхателей из Польши: в этих маневрах себя отлично показали бойцы подразделения «Кондор» Войска Польского. Это было настоящее боевое братство, оболгать и опорочить которое ныне так силятся русофобы...

Наряду с регулярными крупными учениями в войска в те годы начали поступать новые самолеты, артсистемы, РСЗО и танки Т-80, прозванные «танками Ла-Манша» (вероятно, потому, что одним из вероятных рубежей, которого должны были достичь советские танковые корпуса в вооруженном противоборстве на западноевропейском театре, было обозначено, по утверждениям натовских экспертов, северное побережье Франции).

Нынешняя наша успешная операция в Сирии – это, по сути, воплощенная в жизнь доктрина Огаркова. Её ключевая идея: для достижения победы неядерными средствами нужны части и подразделения высочайшей мобильности и теснейшая постоянная связка между разведкой, командованием и средствами поражения, чтобы в превентивных наступательных действиях всегда иметь несомненное преимущество.

Кстати, именно Огарков стал инициатором создания армейского спецназа, призванного, наряду с частями и подразделениями Воздушно-десантных войск, осуществлять наземную разведку, корректировку огня и «кинжальные» молниеносные действия в тылу противника. Уже в конце 1970-х годов Генштаб приступил к формированию десантно-штурмовых бригад и отдельных разведывательно-диверсионных отрядов (батальонов) спецназначения. Для повышения огневой мощи и мобильности войск армейская авиация усиливалась ударными и многоцелевыми вертолетами...

И наши Силы специальных операций, отлично себя зарекомендовавшие ныне в Сирии, наряду с ВКС, в известном смысле, обязаны своим рождением тоже ему, маршалу Огаркову.

Новым словом в управлении войсками стало и объединение всех округов, флотов и войск ПВО в четыре главкомандования на стратегических направлениях: Запад, Юго-Запад, Юг и Дальний Восток, с созданием соответствующих ставок (главкоматов). Фактически это был прообраз того административно-территориального деления страны на четыре крупных военных округа (вместо ранее существовавшего множества округов), которое утвердилось у нас в результате нынешней военной реформы.

Сегодня многое сполна обеспечивают компьютеры, проникшие, наконец, буквально во все сферы войсковой жизни; беспилотники, которые могут непрерывно барражировать над противником; робототехнические комплексы. А во времена Огаркова всё связанное с электронным управлением войсками и многие другие новации были под грифом «секретно».

Известно, что после упразднения Варшавского Договора один комплекс АСУВ, оставшийся в ГДР, присоединенной к ФРГ, достался американцам. Они им очень заинтересовались и не преминули провести командно-штабную игру с его использованием. Результаты повергли в шок! Благодаря разработанной советскими специалистами автоматизации управления условная «армия Варшавского Договора» (уже не существовавшего) разнесла войска НАТО в пыль за считанные дни

без всякого ядерного оружия! И, как утверждают специалисты, важнейшие алгоритмы «Маневра» затем были положены в основу аналогичной системы вооруженных сил США.

Современному офицеру нужны знания, ум, соответствующая разносторонняя подготовка, в том числе и техническая... На это и нацеливал подчиненных начальник Генерального штаба Н.В. Огарков, выступая, например, в родной «альма-матер» – Академии Генштаба ВС СССР. Кстати, по отзывам таких, хорошо знавших Николая Васильевича соратников, как генерал армии Валентин Варенников, подготовке высшего командного состава он уделял важнейшее внимание.

На основе анализа уже упомянутых крупнейших учений, проведенных на всех основных стратегических направлениях за годы его руководства Генштабом, Николаю Васильевичу удалось создать уникальный пятитомный военно-теоретический труд – «Основы подготовки и ведения операций». Это фундаментальное исследование, охватывающее весь спектр боевого применения войск всех видов и родов (операции фронтовые, групп фронтов, воздушных, противовоздушных, морских и т. д. сил), ныне является настольной книгой каждого российского военачальника. Эксперты приходят к выводу, что ознакомившись с огарковскими «Основами...», американские стратеги и сформулировали к началу 1990-х новые принципы своей военной политики, реализованные в ходе двух войн в Ираке и воздушной кампании против Сербии.

Однако, уделяя особое внимание неядерным способам ведения войны, Огарков заботился и о развитии теории и практики управления стратегическими ядерными силами, а также противоракетной обороны и средствах прорыва вражеской ПРО, что ныне приобрело особую актуальность в связи с упорно реализуемыми Пентагоном планами по «обнулению» нашего и китайского ракетно-ядерных потенциалов.

Николай Васильевич создал в Генеральном штабе Центр оперативно-стратегических исследований, где вскоре собрались светила теоретической мысли. ЦОСИ ГШ суждено было стать мощным двигателем всей военной науки...

Маршал Советского Союза Огарков (им он стал уже в 1977 году) категорически возражал против ввода наших войск в Афганистан, считая это ненужной, затратной и опасной авантюрой. Он прилагал недюжинные усилия, чтобы отговорить Министра обороны СССР Д. Ф. Устинова и других членов Политбюро от этой затеи.

8 декабря 1979 г., Николай Васильевич, видимо, по инициативе А. Громыко или Ю. Андропова, был приглашен на совещание к Л. Брежневу. Вместе с ним в Политбюро ЦК КПСС прибыл и генерал-лейтенант Лев Горелов, уже долгое время служивший Главным военным советником в ДРА.

Горелов, как вспоминал он сам в недавней беседе с одним из журналистов, обрисовал советским лидерам состояние и возможности афганской армии, рассказал о проводимых ею операциях против антиправительственных сил (в тот период довольно успешных), наших мероприятиях по повышению её боеспособности. В заключение он высказал согласованные ранее с Огарковым категорические возражения против прямого участия советских войск во внутриафганских событиях. Важнейших доводов «против» было, собственно, три. Во-первых, как заявил генерал-лейтенант, «если мы введём войска, то окажемся в первом эшелоне, а афганцы будут во втором». Во-вторых, «американцы с вводом советских войск усилят помощь бандформированиям в Пакистане, будут их вооружать, а то, быть может, создадут части и соединения на территории Пакистана за счёт беженцев, которые ушли туда с территории Афганистана» (так вскоре и произойдет!). И третье: «наша армия не готова драться в горах». В этом Горелов «убедился на советниках, которые прибывают для работы: у них нет опыта боевых действий в горной местности».

В течение доброго часа сначала Горелов (которого после его информации попросили обождать в соседней комнате), а затем начальник Генштаба в частной беседе доказывали бесперспективность и опасность ввода наших войск в Афганистан.

Их внимательно выслушали, поблагодарили, угостили чаем и... распрощались. Уже в машине, по дороге на Знаменку, маршал с горечью признался генерал-лейтенанту, которого справедливо числил в единомышленниках и друзьях: «Лев, мы проиграли...».

Некоторые исследователи истории афганской войны пишут ещё и о другом совещании у Брежнева, на которое опять приглашали начальника Генштаба Огаркова... Позже Николай Васильевич вспоминал: у него создалось впечатление, будто Устинов с Брежневым всё обговорили заранее и предварительное решение уже было принято. Роковую роль сыграла, очевидно, доложенная высшим руководителям СССР, «правдивая» информация КГБ о неких планах ЦРУ и Пентагона совершить в Афганистане госпереворот и, приведя к власти послушное Вашингтону правительство, разместить и в этой стране свои военные базы и даже завезти сюда ракеты, способные простреливать чуть ли не всю территорию СССР... На самом деле, как показало время, это была дезинформация чистой воды, состряпанная и ловко подброшенная американцами советскому резиденту.

Вероятно, именно тогда, с пролога афганской эпопеи, между министром обороны СССР Устиновым и его первым заместителем – начальником Генштаба Огарковым и «пробежала черная кошка». Хотя с начала совместной работы в 1977 году, как вспоминал генерал Варенников, у них «складывались хорошие, добрые, деловые отношения».

Устинов, человек штатский, всю жизнь посвятивший «оборонке» и не прошедший никаких командных или штабных должностей в войсках, назначенный министром обороны в 1976 году, сосредоточил в своих руках административно-снабженческие вопросы. Реформирование же Вооруженных сил СССР, развернувшееся в те годы, и оперативное управление ими протекало под руководством Огаркова. Он «хорошо изучил актуальные проблемы, которые являлись тормозом в дальнейшем развитии армии и флота, и теперь принимал конкретные, энергичные меры с тем, чтобы сбросить тормозящие «оковы», повысить боеготовность и боеспособность Вооруженных сил, – пишет Варенников, – Думаю, не случайно в это время в западной прессе все чаще стали появляться хвалебные статьи об Огаркове, противопоставляющие его Устинову».

На Западе были встревожены быстрым укреплением советского военного потенциала и, чтобы хоть как-то приостановить этот процесс, пытались по-иезуитски лукаво сравнить советских военачальников.

К примеру, популярный германский журнал «Штерн» писал, что назначение Устинова министром обороны – это «ошибка Брежнева», что «уже прошло три года, как Устинов на своем посту, но никак себя не проявил и не проявит, потому что рядом с ним находится начальник Генерального штаба – одаренный, на десять лет моложе его человек». В журнальной статье Огаркова лгостиво называли «восходящей звездой...».

«Понятно, что это была провокация, – полагает генерал Варенников. – Но с характером министра устоять перед такой провокацией было не просто. К тому же имелись «наушники» и в самом военном ведомстве, и на Старой площади (там размещался аппарат ЦК КПСС). Так что отношения между двумя высшими военными руководителями в личном плане были сложными, возникало немало обид и недоразумений, необоснованных претензий к начальнику Генштаба».

Поэтому, когда в 1984 году формирование ставок стратегических направлений было утверждено и оформлено секретным постановлением Политбюро, Огаркова почти сразу переместили с Генштаба на должность главкома Западного направления...

Из Москвы в Легницу (ПНР), где создавалась его ставка, Николай Васильевич отбывал с тяжелым сердцем. Новое назначение, несмотря на масштабность задач (на западном направлении было сосредоточено до 40 % всего личного состава и техники Советской армии), было всё-таки явным понижением. А главное, он не успел довести до логического конца реформу, осуществлявшуюся им в соответствии с собственной военной доктриной и призванную приспособить Вооруженные силы к новым реалиям и задачам.

Тревожные предчувствия не обманули. После его ухода со Знаменки реформа была потихоньку свернута: преемник на посту начальника Генштаба С.Ф. Ахромеев больше занимался Афганистаном, да и денег на оборону стало не хватать...

Между тем если бы начатая Огарковым реформа Вооруженных сил была осуществлена в полном объеме, она потянула бы за собой, по мнению специалистов, назревшую реформу и оборонной промышленности, и всех других производственных сфер Советского Союза, вплоть до сельского хозяйства, дорог и почты... Это вполне могло предотвратить назревание острейшего экономического кризиса и последующий распад СССР.

Возглавивший страну в марте 1985 года М.С. Горбачев, будущий «лучший немец года», взял курс на масштабную конверсию, например, приветствуя ковку шашлычных мангалов из... авиационного титана. Он, под трескучий аккомпанемент пустопорожних фраз о «перестройке» и т.д., постепенно сдал западным «друзьям» и ГДР, и Варшавский Договор, и собственную страну. В мае 1987 г. генсек, воспользовавшись сумасбродным перелетом и посадкой возле Красной площади легкомоторной западногерманской «Сесны» с полусумасшедшим М. Рустом, отправил в отставку Министра обороны СССР С.Л. Соколова, всё командование Войск ПВО, а в следующем году под другим «благовидным» предлогом – ещё одну большую группу наиболее опытных военачальников, включая маршалов Ахромеева и Огаркова.

Хотя до августа 1991 года Огарков работал председателем Всесоюзного Совета ветеранов войны, труда и Вооруженных сил, а также консультантом группы генеральных инспекторов МО СССР, сколько-нибудь значительной роли в военных делах страны он, увы, уже не играл...

Правда, после образования Министерства обороны России в мае 1992 г. в судьбе Николая Васильевича произошел важный поворот: новое руководство МО РФ проявило живой интерес к его идеям, которые уже стали забываться. Назначенный советником министерства, Огарков тесно общался с заместителем министра А.А. Кокошиным, последовательно сменявшимися начальниками Генштаба ВС РФ В.П. Дубыниным и М.П. Колесниковым. Как вспоминал А.А. Кокошин, «консультации с Огарковым были очень важны для выработки оптимальных решений по первой Государственной программе вооружений РФ». Если бы в госбюжете нашлись необходимые средства, армейская цифровая революция – заветная мечта Николая Васильевича – развернулась бы у нас уже тогда.

Но 23 января 1994 г. жизненный путь Маршала Советского Союза Н.В. Огаркова оборвался. Его похоронили на Новодевичьем кладбище – в традиционной усыпальнице видных деятелей нашей истории.

Либеральные экономисты призывают брать пример с «цивилизованного Запада», учиться у «отца» цифровой революции Эндрю Маршалла из Управления оценок американского Госдепа. Но осведомленные люди знают: подлинным её «отцом» в нашей стране был Маршал Советского Союза Н.В. Огарков.

Россия, её Вооруженные силы ныне идут по пути, предвосхищенному им. Увы, с опозданием на много лет, заплатив за этот чудовищный просчет невероятно большую цену.

Александр Пронин